

Из ненаписанных писем

1

А я не могу решить, глубоко ли в тебя впадать.
То ли по щиколотку – нервы пощекотать,
то ли по пояс, отрезав пути назад,
то ли с разбегу внутрь – и открыть глаза,
так что потом не захочется вылезать:
холодно, ветрено, хлопотно всё, что За.
Всё не могу решить – относиться к тебе легко?
(раз на воде обжегшись, дую на молоко),
или собою душно тебя укутать,
нежность с боков подоткнуть, щупальцами опутать,
солнце в грудиने тугою косою сплести,
прыгающим кузнечиком сжать в горсти?
И не отдать, и не сглазить, не отпустить.

А знаешь, чем ближе к встрече, тем меньше драмы.
Меньше волнуют лишние килограммы,
реже дурацкие рожи делают «бу»,
даже вороны заткнулись орать про судьбу.
Верить-не верить – мне нравится, как я пуста.
Повыгоняла бабочек из живота.
(О тараканах молчу – их кучней и гуще).
Кофе порастворимее, чтоб не гадать по гуще.
Низкий каблук по льду, а не руль и трасса.
Серое вместо алого – и прекрасно,
выдох и вдох вместо приступа нервного смеха...
Знаешь, а это, оказывается, так просто:
взять и приехать.

И когда я летела, теряла кожи:
лягушачью, змеиную и родную,
подлетала к очередному дну и
отпускала очередного боже.
И когда я – мягким – по иглам выси –
Обдирая крылья о грозы, горы –
Обрывались перья, чешуйки, листья,
Растворялись робость, обида, горечь.
А потом я упала, и было больно,
и разбилась насмерть в осколков тыщу,
и лежала голой в твоей ладони,
и кричала, чистая, вновь родившись.

И пока не придумала нас по новой,
и пока не могу, не хочу ещё
нарушать сияние звуком, словом,
и смеяться пока не могу насчёт –
языком проверю, как губы гладки
и почувствую в рёбрах движений память,
поплыву по теченью, раскинув лапки –
пахнуть сладким, цвести, розоветь сосками,
и согрею радостью пальцы сосен,
и потянет в синее солнца якорь,
и оставлю себе золотое «после»,
чтоб красиво внутри и снаружи – ярко.

Капкан

Девочка-маугли, девочка-немота,
Тонкие лапки, три глаза и два хвоста,
Скалится днём и тихонько скулит во сне,
Путается в цифрах, себе и одной сосне,
Ищет причины, находит виновным в бедах
Отца, асцендент, отсутствие велосипеда.
Девочка-чучелко, девочка - чёрти что.
Цедит людей сквозь мелкое решето,
Боится акул, любви, толпы, темноты,
Переходить черту, на жёлтый, на крик, на ты.
Хочет сказать, но не знает кому, кому,
Переживает молчание как тюрьму.
Девочка-веточка, хворост, чертополох,
Скручена нитками проклятых трёх дорог,
Советами гусеницы, кота, распределяющей шляпы,
Силится вырваться, перегрызает лапу,
Встаёт на три, поворачивается на восток.
Девочка-маугли, девочка-серый волк.

Поплавок

Любимый мой, мне страшно от того,
Что до сих пор науке неизвестно,
Какая сила тянет поплавок
Моей судьбы, прилаженный на леску,

Какая рыба делает дугу
Вокруг моей оси тысячекратно,
И кто маячит там, на берегу,
Всегда готовый выхватить обратно?

Любимый мой, еще поговори
Со мной о том, чего всегда боялась —
Тук-тук, скрип-скрип, вокруг голимый ригель —
Неужто нам мелодий не осталось?

Неужто нет? Какие кандалы
Удерживают музыки текучесть,
И вместо парусов — куда ж нам плыть? —
Смирения безрадостная участь.

Любимый мой, мой самый страшный страх —
Меж рыбой и ловцом, посередине
Большой реки, открыть глаза с утра,
Дрожа на бесконечной пуповине,

И чувствовать — посажены на нить,
Мы только чьей-то удочки частицы.
И ничего не можем изменить.
И никогда не сможем измениться.